

В. И. СТЕЛЛЕЦКИЙ

К вопросу о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“

В своих статьях, посвященных „Слову о полку Игореве“, проф. Н. К. Гудзий¹ выступил энергичным защитником перестановки, предложенной акад. А. И. Соболевским² и поддержанной акад. В. Н. Перетцем.³ Текст от слов „Тогда Игорьъ възрѣ“ и до слов „а любо испити шеломомь Дону“ он считает необходимым поставить дальше, вслед за описанием курских воинов.

Вопрос о перестановке, вновь поднятый Н. К. Гудзием, является особенно важным в силу большой уникальной художественной ценности памятника, в котором предлагается сделать перестановку, и широкой его популярности в наше время. В начале своей статьи „О перестановке...“ Н. К. Гудзий говорит: „Совершенно очевидно, что в тексте «Слова о полку Игореве», как и в любом дошедшем до нас тексте, являющемся не оригиналом, а списком, всякого рода конъектуры, в том числе и перестановки, следует допускать с большой осторожностью, лишь в тех случаях, когда они вынуждаются явными ошибками текста и когда их можно обосновать достаточно вескими аргументами прежде всего палеографического характера, без чего даже на первый взгляд самые вероятные по своей логичности исправления текста не могут считаться убедительными“.⁴ Заканчивает свою статью Н. К. Гудзий следующими словами: „Думается после сказанного, что есть все основания закрепить эту перестановку в последующих научных и популярных изданиях «Слова о полку Игореве»“.⁵

Этот вывод говорит о том, что Н. К. Гудзий не только сам глубоко убежден в необходимости перестановки, но и свои аргументы считает достаточно вескими и убедительными.

---

¹ Н. К. Гудзий: 1) О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“. Сб. „Слово о полку Игореве“, Изд. АН СССР, 1950; 2) Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“. Труды ОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 45—47; см. также его рецензию в юбилейном издании „Слова о полку Игореве“ (Советская книга, 1950, № 12, стр. 98).

² Резюме доклада А. И. Соболевского в Историческом обществе Нестора-летописца 15 февраля 1886 г.: Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2, Киев, 1888; см. также: А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 210—212.

³ В. Перетц. „Слово о полку Игоревім“. Пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Київ, 1926, стр. 39—40.

⁴ Н. К. Гудзий. О перестановке..., стр. 249.

⁵ Там же, стр. 254.

Рассмотрим же, насколько вески и убедительны аргументы в пользу перестановки, которые приводятся Н. К. Гудзием.

Как уже было сказано, идея перестановки принадлежит акад. А. И. Соболевскому, который высказался о необходимости ее в докладе в Историческом обществе Нестора-летописца. Ее принял В. А. Яковлев в своем учебном издании „Слова о полку Игореве“.¹

В 1916 г. А. И. Соболевский попытался обосновать перестановку аргументами палеографического характера. Но, строго говоря, доказательств такого рода А. И. Соболевский не приводит и привести их, разумеется, и не мог бы, так как трудно говорить о доказательствах в отношении погибшего памятника, а можно говорить, естественно, лишь о предположениях и возможностях. А. И. Соболевский выдвигает, во-первых, вызывающее сомнения предположение, что именно этот совершенно законченный самостоятельный абзац был написан на лицевой и оборотной сторонах одного листа пергамента крупным уставом, во-вторых, что оригинал „расшился и растрепался“, и, в-третьих, что один из ранних переводчиков перепутал листы своего оригинала. Но доказательность этих аргументов палеографического характера сам Н. К. Гудзий категорически отрицает: „Но признавая перестановку в тексте «Слова»... вполне рациональной, мы очень сомневаемся в правдоподобности сделанного Соболевским расчета строк на листах оригинала Мусин-пушкинского списка. Едва ли даже пергаментная рукопись, притом во всяком случае не ранее конца XII века, хотя бы и малого формата, хотя бы и написанная крупным уставом, к тому же рукопись светского произведения, могла содержать на листе исписанном с обеих сторон, такое малое количество текста, какое предполагает Соболевский“ (разрядка наша, — В. С.).²

Н. К. Гудзий в статье „О перестановке...“, сомневаясь в аргументах палеографического характера А. И. Соболевского, присоединяется к аргументам палеографического характера акад. В. Н. Перетца; однако эти аргументы оказались явно ошибочными, что признано было самим В. Н. Перетцем,³ о чем сообщает Н. К. Гудзий в статье 1951 года.⁴

Убедившись в ошибочности аргументов В. Н. Перетца, Н. К. Гудзий в статье 1951 года указывает, что расчет листов и количество строк в них „очень правдоподобно установлен Соболевским для одного из списков «Слова», предшествовавших Мусин-пушкинскому“.⁵ В данном случае, совершенно соглашаясь с мнением Н. К. Гудзием 1950 г. и его доводами против доказательности аргументов палеографического характера А. И. Соболевского, мы добавили бы к ним еще следующие доводы также палеографического характера.

¹ Слово о полку Игореве. Ред. и примеч. В. А. Яковлева. СПб., 1891, стр. IX.

² Н. К. Гудзий. О перестановке... стр. 250.

³ В. Перетц. З приводу статії проф. Груньського. Зап. іст-філол. відд. УАН, кн. XIX, 1928, стр. 352.

⁴ Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста... стр. 46—47. Совершенно правильно аргументирую против предположения А. И. Соболевского в своей статье 1950 года, Н. К. Гудзий в статье 1951 года приводит аргумент, который состоит в том, что ошибка В. Н. Перетца подтверждает „правильность расчета Соболевского“. Между тем эти ошибки крупных ученых в попытках восстановить предполагаемое расположение текста „Слова“ (с целью доказать имевшую место перестановку) говорят лишь о том, что перестановки не было.

⁵ Там же, стр. 47.

Предполагая, что текст „Слова о полку Игореве“ от слов „Тогда Игорь възръ на свѣтлое солнце“ до слов „а любо испити шеломомь Дону“ был написан на одном листе, мы должны неизбежно допустить три случайности, не встречавшихся в своем сочетании в древнерусских рукописях того времени. Первая случайность состоит в том, что гипотетический рассеянный переписчик буква в букву закончил текст перед этим самостоятельным абзацем на предыдущем листе, вторая случайность состоит в том, что этот рассеянный переписчик буква в букву закончил текст этого абзаца на данном листе. Повторение этой случайности следует считать чем-то исключительным или же признать небывалое в те времена сознательное расположение текста на листах таким аккуратным (и в то же время таким рассеянным!) переписчиком, подобным современным поэтам, что противоречит данным палеографии и явилось бы модернизированным пониманием психологии древнего переписчика.¹ Наконец, допуская эту перестановку, мы должны неизбежно допустить еще одновременно и третью случайность, но об этом мы скажем дальше.

Таким образом, аргументы палеографического характера в пользу перестановки кажутся нам чрезвычайно сомнительными, являясь, скорее, гипотезами или предположениями палеографического и психологического характера.

Предположением палеографического характера является тот аргумент, что оригинал расшился и растрепался, предположением психологического характера является аргумент о рассеянности древнего переписчика.

Нам думается, что нет никаких достаточно веских аргументов палеографического характера, которые оправдывали бы перестановку, рекомендованную А. И. Соболевским в 1916 году, поддержанную П. Л. Маштаковым в 1919 году,² акад. В. Н. Перетцем в 1926 году, Н. К. Гудзием в 1950—1951 годах и практически проводимую последним в настоящее время в каждом новом своем издании древнерусского текста „Слова о полку Игореве“.³

Этого уже одного достаточно, чтобы быть осторожным в исправлениях текста, воздерживаться от перестановки, хотя бы и оставаясь убежденным в необходимости ее. Но Н. К. Гудзий выдвигает и другие аргументы в пользу перестановки. Рассмотрим также и эти аргументы.

Н. К. Гудзий пишет: „Наконец, имеется и такой довод, поддерживающий перестановку, на который обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц при изучении текстов «Задонщины»: оказывается, что во всех списках «Задонщины» последовательность эпизодов в начальной ее части как раз согласуется с той последовательностью, которая устанавливается в результате предлагаемой перестановки в «Слове», а отсюда следует, что в руках Софония-рязнца, автора «Задонщины», оказался список «Слова», содержащий логическое расположение эпизодов в начале текста, впоследствии, в рукописной традиции, нарушенное в Мусин-пушкинском сборнике и в первом издании памятника“.⁴

¹ См., например, в статье П. Л. Маштакова „К тексту «Слова о полку Игореве»“: ИОРЯС, т. XXIII, кн. 2, стр. 75.

² Там же, стр. 75.

³ См., например: Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков для высших учебных заведений. Изд. 5-е, исправленное и дополненное, М., 1952, стр. 56—58.

⁴ Н. К. Гудзий. О перестановке. . . , стр. 252.

В. П. Адрианова-Перетц,¹ исходя из текстов „Задонщины“, полагает, что имела место механическая перестановка в тексте „Слова о полку Игореве“, но произошла она не ранее конца XIV века. Обратимся к текстам, приводимым самою В. П. Адриановой-Перетц в ее работе. Под реконструированным списком „Задонщины“ В. П. Адрианова-Перетц печатает отрывки текста „Слова о полку Игореве“ в той самой последовательности эпизодов, которая имеется в реконструированном тексте „Задонщины“.

Возьмем начальные эпизоды текста.

„Не буря соколы занесе чрез поля... комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Киевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ... у Дону великаго... аркучи... княже ми непосobie... не худа гнѣзда... Ольгово хороброе гнѣздо, не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе чръный воронѣ, поганьи половчине... О Бояне, соловию... абы ты сиа плѣкы ущекотал... свивая славы... свѣдоми кѣмети: под трубами повити, под шеломы вѣзлѣяни, конецъ копия вѣскрѣмлени...“

„...оба есвѣ Святѣславличя... а всядемѣ, братие, на свои бръзья комони да позримѣ синего Дону... испити шеломомѣ Дону... о шеломы половецкыя... сулицы... за обиду сего времени... гримлютъ сабли о шеломы... чрълеными щиты... Сѣдлаи, брате, свои бръзья комони... а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди... и поѣха по чистому полю... се вѣтри... вѣютъ съ моря стрѣлами... кровавыя зори свѣтъ повѣдают... чръныя тучи съ моря идутъ, а въ нихъ трещутъ синии мльнии. Быти грому великому... кричатъ тѣлѣгы“ (разрядка наша, — В. С.).

О чем же говорит эта последовательность эпизодов? Можно ли доказывать, зная ее, например, что выделенные нами тексты в древних списках „Слова“ должны были читаться именно здесь? Очевидно, нет! Очевидно, они взяты автором „Задонщины“ из середины „Слова о полку Игореве“. В „Задонщине“ все начало текста „Слова о полку Игореве“ (за исключением обращения к слушателям, к Бояну и описания храбрости героев) перетасовано и дается в ином порядке. Сначала приводятся тексты, опирающиеся на зачин „комони ржуть за Сулою“ и т. д., затем „О Бояне, соловию“, далее идет описание воинов и предложение из речи Всеволода (оба есвѣ Святѣславличя), затем идет уже текст „а всядемѣ, братие, на свои бръзья комони“, после этого опять следует текст из речи Всеволода (сѣдлаи, брате...), а затем уже — текст „и поѣха по чистому полю“.

Что же доказывает это расположение текста? По нашему мнению, оно доказывает, что именно последовательность эпизодов, которую мы имеем в Мусин-пушкинском тексте, истинна, во всяком случае вполне может быть истинной, так как текст „Задонщины“ решительно ничего не дает для решения вопроса о последовательности эпизодов „Слова о полку Игореве“, потому что тексты „Слова о полку Игореве“ в „Задонщине“ уже в самом начале оказываются перетасованными. Мы привели образец последовательности эпизодов по реконструированному тексту, но если мы обратимся к под-

¹ В. П. Адрианова-Перетц: 1) „Задонщина“. (Опыт реконструкции авторского текста). Труды ОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 217—218; 2) „Задонщина“. (К вопросу о реконструкции авторского текста). ИАН, Отд. лит. и яз., т. VI, вып. 2, 1947, стр. 98—99.

линным спискам, то увидим почти ту же самую картину по всем спискам.¹

Итак, и этот аргумент Н. К. Гудзия не выдерживает критики и отпадает.

Перед тем как перейти к рассмотрению остальных аргументов Н. К. Гудзия задержимся несколько на той справке, которую он дает в конце статьи „О перестановке...“. Н. К. Гудзий указывает, что „перестановка, о которой идет речь, кроме издания В. Н. Перетца, принята в некоторых новейших публикациях текста «Слова» [Л. А. Творогов. Примерный облик первоначального чтения „Слова о полку Игореве“. Новосибирск, 1944; А. К. Югов (изд. „Советский писатель“, 1945), Д. С. Лихачев (в малой серии „Библиотеки поэта“, 1949), А. И. Белецкий (в „Хрестоматіі давньої української літератури“, Киев, 1949), а также в стихотворном переводе „Слова“, принадлежащем Н. Заболоцкому (журн. „Октябрь“, 1946, № 10—11)]“.

Однако в статье 1951 года Н. К. Гудзий говорит о двух из перечисленных выше изданий „Слова о полку Игореве“: „Шагом назад, благодаря произвольным перестановкам и совершенно неоправданным конъектурам, является попытка реконструкции текста «Слова» Л. И. Творогова... и А. К. Югова“ (разрядка наша, — В. С.).² Что касается перевода Н. А. Заболоцкого, то из рецензии Н. К. Гудзия на юбилейное издание „Слова о полку Игореве“ ясно, что он рассматривает перевод Н. А. Заболоцкого, как вольное переложение поэта, далекое от подлинника. Четвертый из перечисленных Н. К. Гудзием авторов, а именно Д. С. Лихачев, отказался от перестановки, предложенной А. И. Соболевским, уже во втором своем издании древнерусского текста „Слова“, не объясняя, впрочем, в нем причин изменения своей точки зрения. Позже он указал, что „как бы убедительно ни доказывалась возможность перестановки, — возможность не есть еще ее необходимость. Текст «Слова» ясен и без этой перестановки, необходимости в ней нет“.³

В отмеченной же Н. К. Гудзием очень ценной во всех отношениях „Хрестоматіі давньої української літератури“ А. И. Белецкого также и во втором ее издании (1952 г.) принята перестановка с указанием, что „порушучи поширену традицію, переставляємо абзаци... щоб уникнути логічного розриву, який міг виникнути внаслідок помилки при опрацьованні рукопису“. Перестановка принята также в превосходном истолковательном (прозаическом) переводе Л. Е. Махновца, помещенном в сборнике „Слово о полку Игоревѣ в українських художніх перекладах и переспівах ХІХ—ХХ ст.“ (Изд. АН УССР, 1953).

После этих совершенно необходимых дополнений к справке Н. К. Гудзия перейдем к рассмотрению прочих аргументов Н. К. Гудзия. При этом рассмотрении, естественно, нельзя избежать длинных выписок из рассуждений и доказательств Н. К. Гудзия.

„В результате перестановки Яковлева—Соболевского—Перетца получается действительно логически последовательное и связанное чтение, нарушенное путаницей листов, — говорит Н. К. Гудзий. — Вслед за словами «Почнемъ же, братие, повѣсть сію отъ стараго Владимира до

¹ К подобному же выводу пришел, независимо от автора этой статьи, также и Д. С. Лихачев, который говорит еще более решительно, что перестановка противоречит соответствующему месту „Задонщины“; см.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3-е, Л., 1953, стр. 238.

² Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста..., стр. 48.

³ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1953, стр. 237—238.

нынѣшняго Игоря, иже... наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣдскую за землю Русскую» идут слова: «О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плѣкы¹ ушекоталь...». После того как автор высказывает предположение, как мог бы Боян воспеть Игоревы полки, речь идет о встрече Игоря с Всеволодом, при которой Всеволод предлагает брату седлать своих коней и характеризует свою дружину, а затем говорится о затмении солнца. Как бы в ответ на предложение Всеволода Игорю седлать коней Игорь обращается к своей дружине со словами: «А всядемъ, братие, на свои брѣзвыя комони...». Такая последовательность действий — сначала предложение Игорю седлать коней, а затем уже распоряжение Игоря, обращенное к дружине, — сесть на коней для похода на половцев, естественно, единственно возможная, в противоположность чтению Мусин-пушкинского текста, где сначала Игорь велит дружине сесть на коней, а затем Всеволод предлагает Игорю седлать коней...

„Однако эта перестановка, оправданная палеографическими соображениями, диктуется не только тем, что при помощи ее получается логическая последовательность событий, но и тем весьма существенным обстоятельством, что при ее применении время солнечного затмения в «Слове» и в летописных рассказах о походе Игоря совпадает, на что не обратили внимания те, кто предложили перестановку... В Мусин-пушкинском тексте солнечное затмение предшествует походу Игоря; при перестановке же, о которой идет речь, оно становится на свое место и, в согласии с летописью, застаёт Игоря уже в пути...

„Есть еще одно очень существенное соображение в пользу такой перестановки: если придерживаться последовательности мусин-пушкинского текста в начальных абзацах «Слова», то получится, что либо затмение непрерывно продолжалось несколько дней подряд, что противостоит естественности, либо оно на протяжении недели с небольшим повторялось дважды, на что мы не имеем указаний в летописи, да и не могли бы их иметь, так как это не согласовалось бы ни с какими астрономическими законами. В самом деле, если мы сохраним в неприкосновенности Мусин-пушкинский текст, то окажется, что Игорь, готовясь к походу, видит солнечное затмение, затем проходит около девяти дней, когда он двигается навстречу половцам, и его вновь постигает затмение: «Солнце ему тьмою путь заступаше», как и в самом начале похода“.²

В этих рассуждениях и доказательствах Н. К. Гудзия переплетены два аргумента: первый из них, „еще один очень веский аргумент“, по словам Н. К. Гудзия, тот, что якобы благодаря перестановке устраняется противоречие между „Словом“ и летописью. Но А. Брюкнер возражает против перестановки, апеллируя именно к летописи: „По Ипатьевской летописи затмение случилось еще до встречи братьев, и в связи с ним Игорь обращается только к своей дружине, и так было и в «Слове». Затмение и тут произошло до встречи братьев. Иначе почему он должен был по случаю его обращаться к дружине, а не к брату?“³ Н. К. Гудзий опровергает это возражение А. Брюкнера, излагая соображения либо о возможности обращения Всеволода к Игорю через посредника, либо о том, что в „Слове“ описывается свидание Игоря с Всеволодом до начала похода (о чем мы еще скажем ниже), и в заключение говорит: „Но и независимо от того, убедительны или неубедительны эти соображения, целесообразность и оправ-

¹ Разрядка Н. К. Гудзия.

² Н. К. Гудзий. О перестановке... стр. 251—252.

³ Цит. по: Н. К. Гудзий. О перестановке... стр. 252.

данность перестановки не может подвергаться сомнению: мы не должны непременно искать полного совпадения даже в подробностях между летописными известиями о походе и тем, что о нем говорится в «Слове». Если бы даже существовало разноречие между «Словом» и летописью в определении последовательности солнечного затмения и встречи братьев, это еще несколько бы не говорило против перестановки, так как такие разноречия мы встречаем и в летописных известиях.¹

Итак, опровергая А. Брюкнера, который апеллирует к летописи, Н. К. Гудзий сам отводит также и этот „очень веский аргумент“ об устранении противоречия между „Словом“ и летописью.

Действительно, нельзя искать совпадения в деталях между „Словом“ и летописью и отнюдь не только вследствие неизбежности неточностей в изложении событий у разных авторов, но и вследствие того, что летопись и „Слово“ — произведения различного характера по своему жанру. К сожалению, в своей статье Н. К. Гудзий совершенно абстрагируется от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, в котором не может не быть художественной переработки исторических сообщений (иначе это произведение не могло бы быть художественным), и оно не может не обладать логикой художественного произведения.

Остается еще аргумент Н. К. Гудзья, который заключается в том, что посредством перестановки достигается „логически последовательное и связанное чтение“, который, как мы видим из предыдущего, и является единственным аргументом, приведшим к убеждению о необходимости перестановки А. И. Соболевского, Н. К. Гудзья и других ученых. В самом деле, ведь верно то, что прежде всего седлают коней, а потом предлагают на них сесть, после чего и вступают в строю, а также правильно и то, что не может затмение длиться очень долго или повторяться дважды.² Но все это остается совершенно справедливым до тех пор, пока мы забываем, что „Слово о полку Игореве“ является художественным произведением, не читаем его как художественное произведение, отвлекаемся от этого факта, не принимаем во внимание его композиции и других его художественных сторон. Вспомним же прежде всего, что заподозренное место не находится в основном тексте „Слова о полку Игореве“, где мы читаем описание курских воинов и грозных предзнаменований, связанных с началом похода. Некоторые исследователи с большим основанием полагают, что текст до обращения Всеволода к Игорю относится к вступительной части „Слова о полку Игореве“.³ Прочитаем отрывки из изложения вступления исследователем композиции „Слова о полку Игореве“ С. К. Шамбинаго: „Действительно, начальная фраза: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты» — неожиданна. . . Словами «Трубы трубить въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ» поэт, продолжая ритмику Бояна, вторично начинает повесть. В дальнейшем он во второй раз упоминает и о затмении солнца“.⁴

Таким образом, не солнечное затмение произошло дважды, а автор упоминает о затмении солнца дважды, причем в первый раз во вступ-

¹ Н. К. Гудзий. О перестановке. . . , стр. 253—254.

² См. вышеприведенную цитату из статьи Н. К. Гудзья „О перестановке. . .“, стр. 251—252.

³ Расхождения имеются лишь в распределении отдельных строк между вступлением и основной частью, что для задачи настоящей работы не является существенным.

⁴ С. К. Шамбинаго. „Слово о полку Игореве“. История и характеристика текста. Сб. „Слово о полку Игореве“, М., 1934, стр. 187.

лении к „Слову“ и второй раз в основной его части. Здесь мы видим совсем иное толкование текста, чем то, которое пытается защищать Н. К. Гудзий в своем изложении увлекшей его ошибочной точки зрения.

Посмотрим, однако, действительно ли неожиданна во вступлении начальная фраза „Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце“.

Н. К. Гудзию кажется, что получается „логически последовательное и связное чтение“, если вслед за словами „наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“ идут слова „О Бояне, солովію стараго времени! Абы ты сіа плѣкы ущекоталь“. Н. К. Гудзий подчеркнул слова „сіа плѣкы“, т. е. он думает, что раз упомянул автор „Слова“ о „плѣках“, то естественно сейчас же и последующее упоминание о них в обращении к Бояну. Так действительно может показаться более естественным и логичным, если отвлечься от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, которое прежде чем заподозривать в ошибках, как это часто делалось многими учеными (вспомним А. А. Потебню, Ф. Е. Корша и др.), надо стараться понять. Известно, сколько ошибок, ошибочных предположений, теорий, статей повлек за собой этот скептический метод, метод заподозривания, и что многое из того, что было непонятно в „Слове“ и потому заподозрено, разъяснилось благодаря второму методу, методу уяснения и стремления понять „Слово“.

Нам кажется невозможным, чтобы вслед за упоминанием о полках Игоря, сейчас же шло обращение к Бояну с призывом воспеть эти полки. Это было бы совершенно художественно неубедительно. Прежде всего надо выяснить значение слова „плѣкы“ в первом и во втором случае. В первом случае оно означает, очевидно, ратников Игоря. Если принять перестановку, то во втором случае более логичным и естественным было бы признать, что слово „плѣкы“ означает то же самое (как это, повидимому, и полагает Н. К. Гудзий), и исключительный пафос обращения к Бояну, пафос воспевания этих ратников, „летая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба полы сего времени“, оказывается мало оправданным. Поэтически еще недостаточно охарактеризована их готовность совершить героические подвиги, имеется еще только заявление о том, что Игорь „наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“.

Поэтому чрезвычайно уместно, более того — необходимо, было кратко охарактеризовать главного героя „Слова“ Игоря, рыцарскую его доблесть, его поход, смелые цели похода, страшное „знамение“, предвещавшее недоброе. И только после этого, после замечательных слов Игоря: „луцѣжь бы потяту быти, неже полонену быти“ и „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“, оправданным оказывается исключительный пафос обращения к Бояну. И во втором случае слово „плѣкы“ оказывается не простым повторением, а насыщено большим, глубоким содержанием, его значение углублено, расширено, и здесь оно означает уже не только ратников Игоря, а и поход этих ратников.

Итак, обращение к Бояну идет после того, как охарактеризованы „полки Игоревы“ как со стороны силы жажды борьбы „русичей“ против захватчиков половцев, стремящихся поработить родину, так и со стороны тяжких трудностей этого похода, так как враждебная сила выступает как стихийная, мрачная и грозная сила, страшная в своей противоестественности. Это и выражено грозным знаменем, причины которого необъяснимы.

Вступление благодаря абзацу „Тогда Игорь взрѣ на свѣтлое солнце“ оказывается насыщенным глубоким содержанием, в нем звучит уже лейтмотив всего произведения. Во вступлении даны герои, смелые цели их похода, общая историческая обстановка „сего времени“ и обстоятельства похода.

Каким сравнительно бедным, бессодержательным оказалось бы вступление без рассматриваемого абзаца. Это было бы обращение к Бояну, носящее только чисто риторический характер, оно было бы только каким-то риторическим украшением. А мы знаем, что „Слову о полку Игореве“ не свойственны риторические прикрасы, все в нем насыщено глубоким содержанием. Таковы логическая последовательность и связанное чтение художественного произведения.

Композиционно все „Слово“ представляет собой мозаику, каждый кусок которой искусно сочетается с другим. Ритмически каждый строфический кусок закончен и ритмическими переходами связан с другими. Именно вследствие этой особенности композиции „Слова о полку Игореве“ могло случиться так, что было заподозрено место нахождения одного из его абзацев.

В свете понимания „Слова о полку Игореве“ как художественного произведения, обладающего специфическими закономерностями, и вышеизложенного понимания его композиции, рассмотрим абзац „Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече ему буй турь Всеволодь“. Мы считаем, что этим абзацем начинается основная часть „Слова о полку Игореве“, начинается повитическое изображение событий после вступительной части. Совершенно ясно, что здесь не говорится о встрече Игоря и Всеволода после начала похода, о ней вообще ничего не говорится в „Слове“, это событие в нем опущено, как опущены и многие другие события. Этого не понимает А. Брюкнер в своем рационалистическом подходе к изучению „Слова“, и его возражение не достигает цели. Спор с Брюкнером беспредметен, бесплоден. Игорь является главным героем начала „Слова о полку Игореве“. Игорь предпринимает поход, ему уделяет больше всего внимания и в дальнейших частях своего произведения автор „Слова о полку Игореве“. Другие князья — участники похода не перечисляются автором „Слова“. В интересующем нас абзаце изображаются сборы в поход, рассказывается о том, что Всеволод поддерживает князя Игоря в его намерении, говоря о своей готовности отправиться в поход и давая высокую оценку боевых качеств своих воинов. И мы считаем, что Н. К. Гудзий совершенно прав, когда пишет: „Не нужно ли понимать, что это обращение Всеволода к Игорю могло относиться ко времени их встречи перед самым походом в Новгороде Северском, о которой говорится в самом начале рассказа о походе в Ипатьевской летописи, или в Переяславле, о чем идет речь в рассказе Лаврентьевской летописи“, и далее: „Если согласиться с этими соображениями, то выходит, что в «Слове», как и в летописи, затмение происходит до встречи братьев, о которой в «Слове» вообще прямо нигде не говорится“.¹ Несомненно, что в этом абзаце отражены речи Всеволода до начала похода, описание похода начинается дальше. Никакого противоречия между описанием событий в „Слове о полку Игореве“ и летописью в данном случае нет. С этой точки зрения нет и никакой загадки в соединении приведенных двух предложений из подлинника: автор „Слова“ не изображает ненужных для его произве-

¹ Н. К. Гудзий. О перестановке. . . , стр. 253.

дения деталей описания приезда Всеволода к Игорю, которые бы только утяжелили его произведение; стилю его свойствен лаконизм, он опускает все излишние описания, произведение его характеризуется целенаправленностью. Таким образом, не надо устранять противоречия между „Словом“ и летописью, которого не существует в данном случае, а следовательно, не нужна и перестановка; тем самым отпадает и этот последний аргумент Н. К. Гудзия в пользу перестановки.

Проверим же вопрос о необходимости перестановки с ритмической стороны. Если бы абзац „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце“ был бы не на месте, должны были бы быть признаки ритмической неувязки его с соседними абзацами. Но их нет! Это обстоятельство и является третьей чудесной случайностью, которая произошла с гипотетическим рассеянным переписчиком А. И. Соболевского. Расширившись и растрепавшись листы оригинала легли, оказывается, чудесным образом; они подошли по содержанию и ритму на должное место. Этого нет в тексте „по Руской земли просторшася Половци, аки пардуже гнѣздо, и в морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови“, откуда всеми редакторами изымаются известные строки, а в данном случае это есть. И ритм предшествующего абзаца совершенно естественно переходит в ритм предложения „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты“. Это предложение сохраняет интонацию торжественного рассказа = повествования, которая присуща предыдущему абзацу.

Теперь попробуем все же перенести заподозренный абзац в место, предлагаемое А. И. Соболевским, т. е. сделаем перестановку. Но предварительно рассмотрим строфические куски-единицы и их сочетание в том месте текста, где заподозрен пропуск, нет ли каких-либо признаков того, что здесь выпущен большой кусок текста. Ритм в описании курских воинов достигает исключительной энергии и стремительности. В звуковом отношении это подлинная музыкальная картина боевой скачки, набега, атаки. Этот звуковой вихрь соответствует содержанию — описанию лихих воинов, завершается глаголом „скачють“, раскрывающим содержание звуковой картины. Стремительность ритма достигается краткостью предложений, входящих в состав сложного.

Вставляем сюда заподозренный абзац, и мы видим, что после энергичного, стремительного ритма, полного динамики, идет интонация медлительного, как кажется по контрасту с предыдущим, торжественного рассказа-повествования „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты“. Освобождаемся от него здесь, и мы увидим, как динамический ритм радостных сборов в поход органически переходит в динамический, энергичный ритм начала похода и грозных предзнаменований. Напряжение мажорного ритма описания курских воинов сменяется еще более напряженными мажорными ритмами грозной картины вещей предзнаменований. Мы видим здесь органическое нарастание напряжения ритма и органический контраст в содержании этих абзацев.

По содержанию после динамического описания в самом начале основной части „Слова о полку Игореве“ храбрости воинов должна следовать динамическая же картина выступления в поход, а не остановка начавшегося уже движения всего содержания и ритма песни Игорю словами „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты“. Почему же он видит только своих воинов после описания курских воинов и не видит замечательных воинов Всеволода? Зачем же они были только что описаны?

Прочитав заподозренный абзац еще раз после описания курских воинов, мы вдруг буквально натываемся на крайне неудачный повтор здесь „Тогда въступи Игорьъ князь въ златъ стремянь“, неуместность которого ощущается также и сторонниками перестановки, неоскептиками.

И один из сторонников перестановки, редактор и интерпретатор текста и переводчик А. К. Югов, в переводе своем неслучайно заменяет этот совершенно ненужный повтор иным началом, а именно: „Тут вступил Игорь-князь в злат стремянь“. Так пытается поэт-переводчик устранить возникающие стилистические помехи при перестановке, какие он вводит в текст как редактор в своем стремлении вернуть „последовательное и связанное чтение“ искаленного текста.

Итак, мы исчерпали все аргументы, которые выдвигает Н. К. Гудзий в пользу перестановки. Неосновательность их ощущается также и самим Н. К. Гудзием, как это показывают отрицательные отзывы прежде всего самого автора о большинстве из этих аргументов и его колебания, когда он приводит их.

Стремление раскрыть ошибки в тексте „Слова о полку Игореве“ было в свое время необходимым, но затем оно вышло за рамки необходимости в труде А. А. Потебни,¹ приняло характер скептического отношения к тексту „Слова“. Увлечение находить в тексте „Слова“ ошибки, выдвигать всевозможные гипотезы захватило кое-кого из ученых последующих поколений, среди них и А. И. Соболевского. Это увлечение повлекло за собой игнорирование или нежелание уяснить своеобразие „Слова о полку Игореве“ как художественного произведения, его композицию прежде всего.

„Все эти предположения пропусков, вставок, глосс, все эти усмотрения беспорядочности и нестройности в дошедшем до нас тексте «Слова», на наш взгляд, показывают лишь то, как недостаточно изучен этот русско-классический памятник в его целом и частях“, — писал Е. В. Барсов в 80-х годах.² „Этот скептицизм опаснее прежнего, — писал также Е. В. Барсов, — он посягает на переделку памятника, сообразно личным видам и понятиям.“³ Предостережения Е. В. Барсова в отношении опасностей скептической точки зрения нельзя признать излишними или слишком устаревшими, она живуча и заразительна, и под ее влияние могут подпадать, оказывается, даже такие осторожные ученые, как Н. К. Гудзий.

¹ А. А. Потебня. „Слово о полку Игореве“. Текст и примечания. Филолог. зап., 1877—1878; 2-е изд., Харьков, 1914.

² Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, ч. II. М., 1885, стр. 83.

³ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ в переводе А. С. Пушкина. М., 1883, стр. II.